

© 2012 г.

Борис Рахаев

кандидат экономических наук, доцент

(e-mail: rahaevbm@mail.ru)

Альбина Ульбашева

кандидат экономических наук

(e-mail: ualbina@jmail.ru)

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор

(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

(Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия)

ТРИ СИЛЫ В ЭКОНОМИКЕ: ГОСУДАРСТВО, РЫНОК, ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНОВ БЫТИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НИХ (SPIRITUS ANIMALIS)

В экономической теории и политике по проблеме экономического развития в последние годы доминирует взгляд, согласно которому решающее значение отводится рынку и государству. Выясняется, однако, что наряду с рынком и государством действует множество других институтов, среди которых важное значение имеют представления людей о базисных явлениях бытия. В этой связи заслуживает внимания механизм превращения представлений и восприятий жизни и смерти в регуляторы экономики. Этот механизм в общественном сознании не является всеопределяющим, но во многом интерпретируется и проявляется как совокупность норм, правил поведения, предполагающих с разных сторон воспроизводство биологического феномена в различных формах. Проанализированы структуры институтов и их кластеров, представляющих жизнь и смерть. Установлено, что содержательно и структурно институты и их кластеры, представляющие данные феномены бытия, различаются.

Ключевые слова: государство и рынок, дуумвиратные системы, неустойчивость развития, третья сила, экспектации, представления и восприятия феноменов бытия.

Государство и рынок способствуют стабильному процессу экономики или их конкуренция создает неустойчивость в экономической жизни?

При моделировании социально-экономического развития решающее значение отводится государству и рынку. Считается, что устойчивость экономического развития связана с государством и рынком – двумя важнейшими современными институтами. Нынешние проектанты современ-

ного и перспективного экономического развития исходят из того, что именно эти два института являются столпами исторического экономического миропорядка.¹ Смена моделей экономического развития, по их мнению, происходит, прежде всего, потому, что наблюдается смещение акцентов то в сторону государства, то в сторону рынка. Другого не существует. Эта периодически повторяющаяся смена доминирования то одного, то другого института наблюдается не только на так называемом инструментальном, но и технологическом, организационном и социальном уровнях. Государство выступает в двух ипостасях: как институт власти и как сектор национального хозяйства. В государственном и частном секторах существует своя специфика социально-экономических отношений, обусловленная различными формами собственности и разной структурой институтов, а особенно разным положением в системе власти. В государственном секторе, как и в сфере взаимоотношений государственного и частного секторов, более заметно отклонение от рыночных правил, ярче проявляется доминирование социальных, административных и силовых функций государства.

Рынок также выступает в двух ипостасях: как форма обмена и как сектор национального хозяйства, в котором товарно-денежные отношения складываются не только под влиянием общих закономерностей, порождающих определенную стабильность и предсказуемость, но и под влиянием стихийной конкуренции и т.д.

Налицо сменяемость, близкая к периодичности. Эта сменяемость происходит не только на уровне хозяйственной практики и в политике, но и в теории. Активность исследований, в которых преимущество отдается рынку, сменяется активностью исследований по госрегулированию, с соответствующей переброской административных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Примечательны предлоги, по которым осуществляет-

¹ Впрочем, было время, когда не было государства и регулятивную функцию в экономике выполняли: община, глава семьи, совет и т.д. То же самое можно сказать и по отношению к рынку, хотя регулятивная деятельность рынка древнее государственного. С появлением государства происходит узурпация последним регулятивных функций, принадлежавших ранее другим институтам (племени, роду, двору, общине и т.д.) и превращению их всего лишь в их собственные инструменты. Рынок в большинстве европейских государств продолжает существовать наряду с государством, получив нормативно-правовое и ментальное закрепление. Такой рынок в России до сих пор не сложился. В результате экономика оказывается под влиянием двух конкурирующих институтов: рынок и государство не стали партнерами для достижения общей цели, интересы их существенно различаются, между ними происходит конкуренция.

ся переброска ресурсов и смена моделей: «провалы рынка», «провалы государственного регулирования», «коррекция рынка», «коррекция государственного вмешательства в экономику» и т.п. Смену моделей объясняют тем, что «недостатки» одного института и инструмента могут быть преодолены доминированием другого, который обладает неоспоримыми «достоинствами»

Однако у таких трансформаций есть один капитальный недостаток: стоит отдать предпочтение одному из институтов, как вся конструкция начинает расплываться и теряет устойчивость. Наступают кризисы. Приходится перебрасывать ресурсы в противоположный инструмент. Но в результате этих манипуляций начинают доминировать механизмы противоположного института – на место рыночных взаимодействий приходит государственное регулирование от «ручного управления» до программного, а затем, на место госрегулирования с необходимостью приходит приватизация и либерализация. Поскольку же никогда и нигде не знают в точности, в каких масштабах нужна смена доминирования секторов, сколько и каких ресурсов следует перебросить в пользу «оппозиционного» института, то нарушение устойчивости становится перманентным свойством «дуумвиратной» системы регулирования экономики. А поскольку переброска ресурсов, как правило, происходит в период кризиса, когда в обществе преобладают эмоции (эйфория или алармизм), то устойчивость принимает вообще иллюзорный характер.

Дабы избежать неустойчивости иногда предлагается больше обогатить сферу рынка и сферу государства, создав таким образом для каждого из них свои ниши, сегменты, сектора и т.д. Кажется, такому воззрению находится и эмпирическое подтверждение, когда допускается не только существование в определенные периоды доминирование того или другого инструмента, но и своеобразное «мирное сосуществование» государства и рынка, а также и определенных моделей развития национальных экономик: своеобразной гибридной модели государственно-рыночного или рыночно-государственного развития, в которой механизм рынка дополняется государственным регулированием, а государственное регулирование рынком. В последнее время такую гибридную модель формируют Китай, Казахстан, которые стремятся комбинировать государственное регулирование и рынок. Еще ранее ее сформировали США,¹ Великобритания, Германия, Франция и другие развитые страны. Однако при ближайшем рас-

¹ Социально-экономическая эффективность: опыт США. Система саморазвития. М., 2000, Проблема эффективности в XXI веке. Экономика США. М., 2006.

смотреии оказывается, что в этих примерах больше просматривается желание пропагандировать определенную модель, но трудно доказать реальную эффективность.

Государство и рынок не могут длительное время мирно сосуществовать в силу нетождественности и противоположности их природы. С момента появления государства, они всегда конкурировали между собой. Будут делать это и в будущем. Возникают острые проблемы вследствие оккупации государством секторов рынка, введения в них различных форм государственного регулирования, и тогда эти проблемы устраняются разгосударствлением и приватизацией тех секторов, в которых стало чрезмерным присутствие государства. Этот процесс носит перманентный характер. Иными словами, «дуумвиратная» модель – рыночно-государственная или государственно-рыночная, в которой регулятивные функции в экономике осуществляют и рынок, и государство, не является устойчивой. Причем речь идет не о том, что таким путем можно обеспечить хотя бы временную устойчивость. Суть заключается в том, что данная модель организации экономики отличается перманентной и абсолютной неустойчивостью в силу того, что образующие ее институты противоположны по своей природе. В результате их сосуществования в экономике образуется «эффект качелей»: переброска ресурсов осуществляется то в государственное регулирование, то в рынок, за счет чего создается временная и противоречивая устойчивость. В этой цикличности часто видят универсальный характер и своеобразное имманентное природе социально-экономического развития свойство. Поэтому в литературе даже не обсуждаются случаи нарушения равновесия в ином контексте кроме как «усиление» государственного регулирования, когда доминировал рынок или его противоположности – «усиление» рынка, когда имела место «зарегулированность» экономической жизни. Утверждается, что нарушение равновесия (и его циклический характер) связано с тем, что в разные периоды предпочтение отдается то государственному регулированию, то рынку. Многие исследователи в этих колебаниях предпочтений и переброске ресурсов с одного инструмента в другой видят вполне естественное поведение социально-экономических систем, в которых присутствуют государство и рынок. **По-видимому, это вытекает из общей так называемой парадигмы цикличности, каковую создает наличие «дуумвиратных» систем, в которых присутствует два регулятивных центра, имеющих одинаковый статус, но нетождественные по природе и характеру функционирования.**

Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что отмеченные особенности (цикличность, периодическое нарушение равновесия и т.д.) выражают вовсе не устойчивость «дуумвиратной» модели, а ее неустойчивость и наличие некоторой третьей силы, которая находится в недрах социально-экономических систем и создает качели. Что же касается двух отмеченных сил: рынка и государства, то они на самом деле выражают отдельные (и в некотором смысле, *маргинальные*) конструкции глобального механизма функционирования экономики. Наряду с ними (и независимо от них) *в экономике работает большое число иных инструментов и институтов, среди которых следует назвать: ожидание, представление, восприятие основных феноменов индивидуальной и общественной жизни (например, справедливость, долг, доверие, богатство и т.д.). Каждый в отдельности, а также вместе они составляют важный регулятор экономики, который не противопоставит двум первым (рынку и государству), но конкурирует с ними.* Разберем его.

Нарождающийся «триумвират» государства, рынка, экспектации

Регулятивная деятельность в экономике многогранная и многоуровневая, и связана она вовсе не со всемогущим государством или всепроникающим рынком, а структурой экономики, ее многоукладностью. Экономике представляют множество укладов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и в то же время функционирующих относительно автономно на основе своих принципов и механизмов. В любой современной экономике присутствуют капиталистический, социалистический, феодальный, коммунистический и другие известные уклады.

Незаметность отдельных укладов не в том, что их нет, а в том, что есть доминирующий, который абсолютизируется и предстает как единственный, хотя на самом деле имеется множество других, которые функционируют по своим специфическим принципам. Последние никто не отменял, но объем ресурсов в них оказывается незначительным ввиду роста ресурсов в доминирующих как за счет создания ими новых ресурсов, не свойственных прежде существовавшим укладам, так и за счет изъятия их у последних. Поэтому они оказываются незаметными. Государство и рынок представляют собой инструменты и институты своих специфических укладов (секторов) экономики. Экономика же с институциональной точки зрения многопланова. Ее представляют государственный, частно-государственный или государственно-частный, частно-коммерческий, не-

коммерческий, частно-благотворительный, коллективно-благотворительный, общественно-гражданский, семейный, индивидуальный, коллективно-кооперативный и другие сектора, в которых действуют свои принципы хозяйствования. Совокупность всех секторов и представляет экономику, называемую иногда «смешанная экономика». А раз так, то и регулятивная система экономики намного шире, чем только государство и рынок. Наряду с рынком и государством, действует большое количество других инструментов (и институтов): ожидание, восприятие, представление и т.д., которые оказывают существенное влияние на экономику и которые в силу того, что представляющие их сектора экономики растут (или потому, что «суживается, теснится пространство» двух указанных), «постепенно становятся еще одним сознательным регулятором экономики наряду с традиционным рыночным или государственным регулированием».¹ Кроме того, доминирующая роль государства и рынка проявляется преимущественно (а порой и исключительно) в своих секторах экономики, за пределами которых, – *например, на уровне семейных или личностных и т.д., их присутствие минимально, а то и вовсе отсутствует*. Зато в этих секторах доминирующими выступают кооперация, взаимопомощь, благотворительность и т.д. **В названных секторах образуются институты, названные нами «третья сила» по отношению к рынку и государству.**

Основу образования «третьей силы» составляет то, что в экономике действуют люди, наделенные сознанием, имеющие определенные знания, логику, память, убеждения, заблуждения, эмоции, страсти и проч., а не роботы и автоматы, действующие по заранее разработанной и заданной программе. В зависимости от ситуации люди сознательно меняют свои решения. Кроме того, в зависимости от того, в каком секторе экономики они находятся, меняется их поведение. Например, ни один олигарх, покинув «капитанский мостик своей компании» и оказавшись в теплом семейном кругу, не ведет себя со своими домочадцами как олигарх. Это будет любящий отец, дед, супруг и т.п. То же самое происходит и с самым высокопоставленным чиновником, когда он меняет костюм на домашние халат и тапочки. Со сменой сектора они не просто адаптируются к внешним условиям, а создают новый хозяйственный мир, т.е. являются активными акторами этого мира.

¹ Худокормов А.Г. Экономические теории: Новейшие течения Запада. М.: ИНФРА – М, 2011.

Если оценивать поведения индивидов, что называется, не секторально, а вообще, то наличие вышеперечисленных свойств означает, что **в основе человеческого поведения лежат мотивированные (рациональные) и немотивированные (иррациональные) решения. Последние формируются под влиянием различных факторов и условий, условно объединенных термином *spiritus animalis*, понимаемого как духовная энергия или жизненная сила.**¹

До настоящего времени основное внимание в экономических исследованиях уделялось *ожиданиям*. Создана довольно внушительная и влиятельная «теория рациональных ожиданий»,² в которой ожидания рассматриваются в качестве важного фактора экономического поведения. Правда,

¹ Данное понятие нами заимствовано у Р. Декарта (Декарт Р. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989). Его же использовали Б. Спиноза, К. Маркс и др. мыслители XVIII – XIX вв. при построении своих концепций человека и общества. В наше время данный термин используют многие исследователи, в т.ч. экономисты, среди которых, например, Дж. Акерлоф и Р. Шиллер (Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011). Правда, у последних и русского редактора их книги термин *spiritus animalis* интерпретируется несколько иначе, чем нами, что будет видно из полного изложения нашей концепции.

² Литература по ожиданиям, начиная с работы Дж. Мута (1961 г.), а точнее, с 70-х г. (Р. Лукас) огромна. Определенные представления о достижениях в данной области можно получить из: Lucas R. and Sargent Th. *Rational Expectation and Econometric Practice*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981, Fischer, Stanley, ed. *Rational Expectations and Economic Policy*. 1980, Sargent, Thomas J. *Rational Expectations and Inflation*. 1986, Wickens M. *Macroeconomic theory: A Dynamic General Equilibrium Approach*. Princeton: Princeton University Press, 2008, а также Экономическая теория на пороге XXI века. Под ред. Осипова Ю.М., Пуляева В.Т. СПб, 1996, А. Худокормов указ. соч. и др. Из 71 лауреата Нобелевской премии по экономике, каковую можно принять в качестве одного из показателей влиятельности того или иного воззрения, на долю экспектаций приходится около 10%. Впрочем, нельзя утверждать, будто все вопросы человеческих экспектаций уже разобраны и описаны. Ожидание может оставаться тривиальным психологическим явлением до тех пор, пока субъект не жертвует чем-либо значительным, и поэтому «степень ожидания» меняется от того, чем жертвует субъект. Конечно же, речь не идет о количестве жертвуемых благ, а об их соотношении с тем, что имеет субъект, т.е. важна степень значимости. Наименее изученной, но и наиболее интересной, представляется ситуация, когда субъект жертвует «необходимым в надежде приобрести излишнее». Психологию данного состояния литературно описал А.С. Пушкин в «Пиковой даме», а музыкально-хореографическая интерпретация усилила ее. Трагедия Германа, имевшего, по замечанию поэта, «сильные страсти и огненное воображение», но и «твердость, которая спасла его от обыкновенных заблуждений молодости», в том и состояла, что он перешел ту грань, которая отделяет нормальный проигрыш от фатального. «Жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», на наш взгляд, представляет экономический критерий ожиданий.

значительно меньше интеллектуальных ресурсов и внимания уделено тому, из каких элементов, их комбинации и конфигурации в системе экономического поведения, а равно из какого процесса трансформации экономического поведения складывается конечный экономический результат. Все это обязывает рассмотреть данные вопросы более подробно.

В силу своеобразной вечности названных укладов и, напротив, исторической преходящести государства и рынка того или иного типа, хотя никто не утверждает, что семья в современном обществе и семья в традиционном одинаковы, но как бы они не различались, их идентифицирует отличие от того же государства, коммерческого банка или корпорации. Обобщая различные примеры, в т.ч. уже приведенные с олигархом и чиновником, хотя то же самое свойственно и всякому другому индивиду, следует заметить, что, во-первых, государство и рынок не покрывают всех отношений индивида, во-вторых, **все, что не относится к государству и рынку, живет своей жизнью, несмотря на то, что рядом существуют рынок и государство.** За пределами сферы государства и рынка существует также мир отношений, и от того, что он не похож на мир отношений в сфере государства или рынка, совершенно не означает, что его нет вообще. Эти сферы, сколько бы они не были незначительными по сравнению с рынком и государством, существуют и имеют свой мир, который держится (и функционирует) на определенных отношениях. Эти отношения не агрегируются ни государством, ни рынком. Они существуют рядом, не сливаются и даже не делегируют свои функции государству и рынку. В этих сферах и мирах их отношений образуются свои специфические институты (отношения): добро, сострадание, счастье, нравственность и т.д.

В отличие от государства и рынка, где у первого – различные инструменты центруются вокруг директив, а у второго – обмена, третья сила не центруется вокруг какого-либо одного института. Попытка привязать ее к рациональности в целом показала свою недостаточность; (ее попытался исправить Г. Саймон путем ввода «ограниченной/неполной рациональности»¹); и чем дальше, тем более очевидна ограниченность рациональности и центровки третьей силы. По-видимому, система институтов третьей силы представляет известную в постструктурализме «ризому» – все элементы взаимосвязаны, но не образуют иерархию. Институты, об-

¹ Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении. /Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. – СПб.: Экономическая школа. – 2000.

разующие третью силу, свободны во взаимном расположении, подвижны и изменчивы. Такой статус указывает на то, что их значимость в формировании системы относительна.

В связи с изложенным заслуживает особого внимания механизм превращения индивидуальных человеческих восприятий, представлений, переживаний и ожиданий в сознательный (или -ые) регулятор (-ры) экономики.

Ожидания имеют так называемую индивидуальную природу; мы не можем их ни передать, ни занять другому. (Но, кстати, навязать можем.) В то же время ожидание не может быть исключительно субъективным, т.к., во-первых, зависит от внешних факторов и условий существования личности, находящихся вне личности, во-вторых, зависит в равной мере и от ожиданий других индивидов; можно не только навязать свои ожидания другим, но и оказаться под влиянием ожиданий других индивидов и, в конечном счете, может произойти ситуация, когда наши же ожидания через множество опосредованных звеньев возвращаются к нам. (Правда, теперь они из ожиданий становятся предпочтениями) Поэтому между ожиданием одного индивида и ожиданием других существует множество связей и взаимозависимостей. Получается так, что индивидуальные ожидания оказываются зависящими от ожиданий других людей. Причем это состояние проявляется безотносительно к тому, знает ли индивид о существовании других ожиданий или нет. Эту особенность, на наш взгляд, достаточно квалифицированно описывает Дж. Сорос,¹ посредством ввода доминирующего или превалирующего предпочтения. Состояние ожидания в виде предчувствия разносится по всему экономическому пространству и оказывает влияние на поведение хозяйствующих субъектов тем, что определяет вектор его реализации, в сторону пессимизма, оптимизма и т.п., подобно стрелке компаса.

Таким образом, человеческие экспектации, обусловленные индивидуальными психосоматическими особенностями личности, корректируются предметной деятельностью, групповыми нормами, эталонами совокупности социально-психологических ожиданий. Будучи внутренне принятыми личностью, ожидания составляют часть ценностных ориентаций личности.² Но они не тождественны системе ценностей. Ожидание выступает как мотив поведения человека, но не в виде индивидуальных, субъективных мотивов, зависящих исключительно от психосоматических

¹ Сорос Дж. Алхимия финансов. М., ИНФА-М, 1998.

² Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. М: Педагогика, 1986.

особенностей индивида, а в виде определенных норм исполнения индивидом социальных ролей в обществе (коллективе, группе). Поэтому ожидания входят в «глобальную систему», регулирующую поведение индивида. Но при этом, в отличие от иных инструментов, формирующих поведение, ожидания носят неформальный и не всегда осознанный (рациональный) характер. Поэтому, например, с точки зрения мотивации, *ожидания представляют разновидность социальных экстерналий, упорядочивающих систему отношений и взаимодействий индивидов в группах.*¹ Речь идет о получении или не получении определенных выгод/убытков в зависимости от того или иного поведения. При этом следует указать на достаточно широкий диапазон ожиданий. По крайней мере, мы выделяем два варианта экстерналий: а) упущенные выгоды, б) возможные убытки. Поэтому индивид проявляет инициативу (реализует себя, свои ресурсы) в зависимости от ожиданий.

Как всякий институциональный объект – ожидание содержит две стороны. С одной стороны, – это право ожидать от окружающих поведения, соответствующего их ролевой позиции в обществе (группе). А с другой стороны, – это обязанность вести себя соответственно ожиданиям других людей. В бизнесе происходят двоякого рода следствия из данных позиций ожидания. С одной стороны, люди определенного бизнес-сообщества (как правило, ограниченные профессиональными гильдиями) ведут себя в соответствии с принятым кодексом поведения, который легко прочитывается их коллегами. Например, у русского купечества были признанными такие формы этикета, как «данное слово», «ударить по рукам» и т.д., которые считались выше скрепленного печатями и подписями договора.² Поэтому каждый представитель бизнес-сообщества ожидает от окружающих поведения, соответствующего ролевой позиции их бизнеса

¹ Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.

² Ценные факты, которые проливают свет на многие проблемы экономического развития России и ее национальные институты, приводятся в весьма интересной книге: Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв.: Сб. статей. М.: РАН, Ин-т рос. истории. 1996. Приходится сожалеть, что нет аналогичной работы по XX и XXI вв. нашей истории, в которой много не менее значимых фактов в области предпринимательства. При этом если по последнему двадцатилетию имеются хоть какие-то наработки, то в отношении советского периода такие работы редкость. А между тем менталитет и культура предпринимательства так называемых «красных директоров», полагаем, заслуживают не меньшего внимания и не менее ценны для экономического развития России, чем менталитет и культура предпринимательства купцов, промышленников, заводчиков и т.д.

в обществе и сам несет обязанности, соответствующие кодексу поведения того бизнес -сообщества, к которому он принадлежит.¹ Дабы закрепить (и отчасти формализовать, а через это также и иерархизировать) отношения в современном обществе установлены определенные институциональные ограничения. Речь идет о законодательном создании разного рода сообществ, с одной стороны, а также о принятии законодательных норм по отношению к нарушителям принятых негласных кодексов поведения. Поэтому нарушать обязательства или же «вести себя нечестно» оказывается накладно не только потому, что с тобою после никто не будет вести дела, но еще и потому, что можно получить срок и понести убытки, и причем весьма чувствительные.²

Поэтому в бизнес-структурах, в которых права и обязанности, ответственность и стимулы прописаны и получили юридическое оформление, можно говорить о рациональных ожиданиях, т.е. там каждый субъект хозяйствования вправе ожидать от своих коллег или контрагентов поведения, которое соответствует их ролевой позиции в бизнесе, и сам следует этим соображениям.

Увлечение рациональными экспектациями привело к тому, что в тени экономических исследований остаются иные и причем порой даже более значимые психологические феномены, формирующие структуру и определяющие содержание экономического поведения человека в различных укладах и даже на своеобразном «надукладном» уровне. Речь идет о переживаниях, представлениях, восприятиях и т.п. и их влиянии на экономическое поведение людей.

¹ В императорском (и даже борющихся царств; см. Люйши Чуньцю Вёсны и Осени господина Люя. М.: Мысль, 2001) Китае каждое сословие обязано было иметь исключительно свою одежду и под страхом смерти запрещалось допускать какую-либо небрежность даже в цветах, не говоря уже в форме. То же самое относилось к этикету, трапезе и т.д. Но и в либеральной Европе условностей было не меньше. Например, как повествует М. Оссовская (Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали: Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1987), различные социальные группы имели свои одежду, разговорную речь, манеры поведения и проч., по которым безошибочно можно было определять принадлежность индивида к той или иной социальной группе. Нынче в данной области не все так строго. И если по части одежды восторжествовала своеобразная унификация, например, нынче редко когда можно встретить «малиновые пиджаки», но «золотая цепь» и «уголовный жаргон» становятся таким же атрибутом чиновников, как в прошлом партийный билет и «бумажная речь».

² В данном контексте следует понимать как создание специального представителя (омбудсмана) в предпринимательской среде, так и распространение закона о клевете также и на предпринимательское сообщество.

**Восприятие и представление основных феноменов бытия –
оформление третьей силы и тенденция к полицентризму в системе
сознательных регуляторов экономики**

О влиянии восприятия и представления на экономическую динамику в контексте восприятия времени мы писали ранее.¹ Там, между прочим, было замечено, что поведение людей определяется восприятием ими фундаментальных базисных явлений бытия, т.е. того, как они относятся к жизни, смерти, рождению. То же самое относится и к представлениям. Например, представления о загробной жизни, которые у разных народов оказываются различными, породили создание высокой культуры с ее материальными и нематериальными артефактами. Величественные пирамиды, храмы, в которых приносились жертвы, по сути, потустороннему миру, ритуалы, сопровождаемые музыкой, танцами, поэзией, литературой, живописью и проч., а также само жертвоприношение, которое с современных позиций видится не просто нелепым, но даже аморальным и негуманным, просто восхищают.

Но аналогичное наблюдается и в отношении к посюсторонней жизни: от рождения до взросления и увядания. Замечательные произведения архитектуры (и даже просто жилища), образования, литературы, живописи, музыки, философии, искусства и т.д. указывают на важность восприятия и представлений жизни, которые нисколько не уступают продуктам загробного мира. Впрочем, дело даже не в том, что у разных народов эти представления оказываются разными, а в том, что наблюдается разный акцент;² у одних народов (и цивилизаций) в определенный период акцент смещается в сторону потустороннего мира, тогда как у других предпочтение отдается развитию посюстороннего мира. (Правда, из этого еще нельзя делать однозначного вывода о том, что одни предпочитают смерть, тогда как другие жизнь.) Отсюда последовали не только различные типы материальной и нематериальной культуры и цивилизаций, но и типы человеческого поведения, в т.ч. хозяйственного. Выясняется, что люди по-разному ведут себя даже в обыденной жизни и тем более в хозяйственной практике в зависимости от представления о жизни и смерти. В одном случае они активно ведут накопление материальных и нематери-

¹ Рахаев Б., Бизенгин Б. Влияние восприятий и представлений времени на экономическое развитие // Общество и экономика. – 2011. – №11-12.

² Эту особенность первыми отметили этнографы, изучая обычаи, традиции, культуру различных народов.

альных факторов и условий жизни, в другом – стремятся к аскетизму, в третьем – «прожигают жизнь».

Анализ и обобщение различных представлений и восприятий феноменов жизни и смерти позволяет заметить, что последние определяют архитектуру поведения, на которой выстраиваются различные конструкции повседневности, способные регулировать частные (временные, локальные, периодические, индивидуальные, коллективные и проч.) аспекты поведения. В этом контексте само поведение представляет форму выражения реакции человека на те или иные события посредством демонстрации определенных норм. Поведение всегда нормативно, неоднородно, состоит из множества элементов, объединенных в кластеры и формации. Кластеры имеют различное содержание элементов и разную их топологию внутри системы и в соотношении друг с другом. Одни занимают ядро, другие периферию.

К числу основных элементов, формирующих поведение, следует отнести: ожидания, переживания, предпочтения, расчет, восприятия, представления и т.д. Занять ту или иную позицию и тем самым определять структуру поведения зависит от функции элемента и образовавшейся структуры в поведении. Центральные структуры или ядро содержат неизменные так называемые базисные элементы, архетипы.¹ Анализ различных текстов показал, что ядро поведения формируют представления о жизни и смерти, *а периферию составляют ожидания, предпочтения, расчет и т.д., а также представления о счастье, благе, чести, справедливости, добре, выгоде и т.д., которые имеют более-менее индивидуальный и относительный характер, дифференцированы в зависимости от человека и ситуации и в основном формируют так называемую повседневность поведения индивида.* Но как влияют представления о фундаментальных основах бытия: жизни, смерти, рождении и проч. на экономическое развитие? Утвердительно можно заметить: через экономическое поведение.

¹ Понятие архетип впервые в науку вводит Р. Оуэн (1846 г.) (Report on the archetype and homologies of the vertebrate skeleton). Важное и деятельное участие в его разработке принимали В. Гете, Э. Жоффруа Сент-Илер и т.д. (см. Канаев И.И. Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина. М., Л., 1963). Глубокие исследования провел и значительные результаты получил К.Г. Юнг ((Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. СПб, 1997). В экономике проблемой архетипа занимались Н. Римашевская и ее коллеги (Овсянников А.А., Петай И.И., Римашевская Н.М. Типология потребительского поведения. – М.: Наука, 1988) и др.

Представление и восприятие жизни и смерти – как феномены хозяйственного поведения

Экономическое поведение представляет собой структурированный комплекс норм, отражающих различные аспекты жизнедеятельности человека. Структурно этот комплекс норм можно представить в виде уровней: ядро и периферийные области, что представлено выше. Проводником между ядром и периферийными областями в поведении выступает восприятие, как функция координации и контроля текущих изменений в поведении. Восприятие – важнейший акт и продукт психологии человека. Люди по-разному воспринимают одни и те же события и процессы; причем даже так: один и тот же индивид в разное время по-разному воспринимает одно и то же событие. Причина различий – внутренний мир индивида, в котором решающее значение имеют представления людей о фундаментальных явлениях бытия.

Однако, возникает фундаментальный вопрос: как влияют восприятия и представления, а равно ожидания и проч. феномены человеческой психологии на экономическое развитие? Понятное дело, через экономическое поведение. Но экономическое поведение многопланово и многоуровнево, а в экономике *различные психологические признаки и характеристики только тогда что-то значат, когда формируют модель потребления и модель накопления*. Обобщение различных теоретических воззрений и наблюдений практики показало, что представления играют фундаментальную роль в формировании экономического поведения человека тем, что формируют образ или модель поведения. Следовательно, они формируют модель потребления и модель накопления.

Под моделью потребления мы понимаем, главным образом, распределение произведенного продукта на потребление и сбережение (накопление), иначе выраженное в соотношении предельных норм потребления и сбережения. Анализ теоретических воззрений, исторических этнографических описаний и хозяйственных практик приводит к выводу о том, что это соотношение регулируется представлениями людей о феноменах бытия: жизни и смерти. На основе анализа около ста представлений данных феноменов, собранных из разных исторических и современных обществ, установлена, во-первых, высокая связь представлений о жизни и смерти с хозяйственным поведением человека. Это дало основание к формулировке правила: люди действуют так, а не иначе, руководствуясь своими представлениями о жизни и смерти, но при этом вовсе не обязательно рационально и осознанно зная последние (как правило, они этого

не делают, что, на наш взгляд, говорит в пользу того, что за них это делают архетипы поведения, являющиеся продуктом представления данных феноменов бытия). Во-вторых, представления о жизни и смерти формируют пропорции между потреблением и накоплением, т.е. предельные склонности к потреблению и сбережению. Речь идет не просто о заначке на «черный день», а о наличии определенного императива поведения в обществе. Внутри сформировавшейся модели потребления, посредством таких инструментов, как справедливость, благо, добродетель, выгода, успех и проч. формируются такие признаки экономического поведения, как активность/пассивность, последовательность/непоследовательность и т.д., т.е. все то, что является предметом мотивации и стимулирования. Что же касается человеческих экспектаций (ожидание, страсть и т.д.), связанных с явлениями повседневности: выгодой, интересом и т.д., то они не носят фундаментального характера, хотя их природа также нормативна и связана с исполнением индивидом определенных социальных ролей, т.е. носит ролевой характер и связана с социальными санкциями. В отличие от так называемых формальных или «предписательных» регулятивов поведения, которые формируются представлениями и восприятиями, экспектации носят неформализованный и не всегда осознаваемый характер. В этом их отличие (и как мы определили их, «как начальной стадии образования третьей силы») от государства и рынка как регулятивных факторов экономического поведения, которые в одном случае (государство) формализует свое участие и влияние при помощи предписаний и законов, неисполнение или же недостаточное исполнение которых предполагает санкции, в другом случае (рынок) регулирование достигается путем неформальных предписаний, в основе которых лежит экономическая целесообразность того или иного поведения индивида, игнорирование или же недостаточный учет которой также ведет к определенным санкциям.

Впрочем, с экономической точки зрения ценность имеют не санкции сами по себе, а их соотношение с возможным недополучением каких-то положительных экстерналий. В связи с чем можно выделить две основные стороны экспектаций: с одной стороны, – ожидание от окружающих поведения, соответствующего их ролевой позиции, а с другой, – обязанность вести себя соответственно ожиданиям других людей. Отклонение от норм предполагает (формальные или неформальные) санкции, которые накладываются на нарушителя норм. – В одном случае индивид, нарушивший порядок, получает вознаграждение, в другом – наказание (несет потери). Поэтому, если для индивида следовать определенным в обществе правилам (нормам поведения) оказывается выгодным, то он не нарушает порядка, т.к. полученная выгода или же не полученный убыток ока-

зываются выше/не ниже возможного убытка, но если следование предписаниям доставляет ему недостаточные выгоды и тем более убытки, то он нарушает «общественный договор» независимо от формы, в которой последний закреплён. Поскольку эти особенности не нормированы формальными правилами, – у каждого индивида имеются свои ожидания и поэтому он действует на свой страх и риск, – то результат регулятивной деятельности экспектаций носит во многом так называемый вероятностный или не точечный, статистический характер.

Не то с представлениями и восприятиями жизни и смерти. Обобщение различных исследований этнографов позволяет заметить, что с экономической точки зрения ценность представления и восприятие основных феноменов бытия заключается в том, что они составляют своеобразные архетипы поведения. Жизнь интерпретируется не как биологический феномен, а как институциональный объект, понимаемый как совокупность норм, правил поведения, предполагающих воспроизводство биологического феномена в различных формах. Смерть же понимается как совокупность правил и норм поведения, целенаправленно или неосознанно уничтожающих в различной форме (от ограничений и запретов до культивирования различных способов уничтожения) воспроизводство биологического феномена жизни. Поэтому всякое создание новых или же возрождение старых правил, способствующих воспроизводу биологического феномена жизни, представляет жизнь. Всякое же уничтожение правил и норм, обеспечивающих воспроизводство биологического феномена жизни (и его носителей), а также производство правил и норм, запрещающих воспроизводство биологического феномена (и носителей) жизни представляет смерть. Все остальное формируется на этой линейке, привнося в нее лишь своеобразные «стилистические» особенности и отличия.

Исходя из данного понимания *выделено несколько основных моделей представления и восприятия жизни и смерти и их трансформации в экономическое поведение, а через последнее на экономическое развитие.*

Первая модель – развивающаяся. Жизнь воспринимается как совокупность норм и правил поведения, расширяющих биологический феномен жизни в различных формах (от видового разнообразия уже существующего до появления новых видов и форм жизни). Человек участвует в ее формировании в качестве активного существа; более того, существование человека и существование жизни тождественны: – нет жизни без человека и нет человека вне жизни. (Это своеобразная человекоцентричная

модель, в основе которой лежит антропный принцип мироздания.) Отсюда следует, что все то, что человек делает для себя, он делает для жизни, и все то, что он делает для жизни, делает для себя. Смерть воспринимается не как необходимость, а как случайное, но вполне реалистичное явление.

Смерть способствует разрушению старого, ветхого, дабы дать возможность новому. *Она не поглощает жизнь, но, напротив, поглощается жизнью и является ее частным выражением, но не противоположностью, т.к. смерть преодолевается жизнью, тем, что жизнь продолжается. Реализация этой модели ведет к развитию деятельной стороны.* Человек расширяет границы реального тем, что отвоевывает его пространство у неизвестного и потустороннего. Выражением данной матрицы является, например, развитие собирательства, сельского хозяйства, ремесел, торговли, промышленности, банков и т.д., а также развитие в области генетики, биотехнологий и т.д. Конечно, для различных периодов хозяйственной истории имеются свои реалии данного процесса.

Противоположная модель – стагнирующая и вырождающегося хозяйствования, связана с иной матрицей представления и восприятия жизни и смерти. Смерть всеильна. Жизнь ничтожна, ограничена во времени и пространстве. Всякий росток жизни разрушается, уничтожается смертью. Соппротивление смерти бесполезно. Даже если на время можно победить, то в целом сопротивление бесполезно. В конечном счете все движется к смерти и все обречено на уничтожение и исчезновение. Зачем растрчивать зря энергию и силы. Следует наслаждаться имеющимся в наличии. Это тоже стереотип поведения, и причем больше на общественном (коллективном), чем на индивидуальном уровнях, хотя и последнему он не чужд. Его представляют нормы и правила либо ограничивающие всякое расширение биологического феномена жизни, либо накладывающие запрет на отдельные его виды и формы. С экономической точки зрения это может означать «работу простого воспроизводства» с соответствующими для него механизмами и инструментами: производства и потребления, сбережения, накопления и т.д. Причем данный характер поведения, по-видимому, типичен отнюдь не только для какого-то периода жизни общества, как это следует из поверхностного прочтения общественной истории. В частности, в истории любого общества (народа) выделяют периоды, условно называемые: «золотой век», «период заката».

Эти стереотипы весьма живучи, хотя уже ясно, что история не развивается постепенно и линейно. Напротив, имеет место многовари-

антность и нелинейность. Впрочем, это совершенно еще не значит, что у всякого общества должны быть зарождение, расцвет и закат, т.к. имеется еще и такое явление как ренессанс. Поэтому если с нелинейностью в общественном развитии можно согласиться, то с традиционной периодизацией, по-видимому, не все однозначно в силу того, что периодизация общественного развития дается людьми, живущими в настоящее время и, исходя из того, что они знают на данное время. Но люди не могут знать, что будет после данного времени; предполагать они конечно же могут, но предполагать на основании того, что знают на данное время. Стало быть, тот же «золотой век» есть «золотой» с их нынешней позиции, но не абсолютно. Что же касается суждений об абсолюте, то они могут быть корректными только при условии, если известна вся история общества. Поэтому к так называемым «исчезнувшим» обществам может быть применима данная классификация и градация их истории, но она не может быть использована для обществ еще существующих.

Впрочем, дело даже не в этих сугубо, с нашей точки зрения, методических вопросах, – все это достаточно удачно помещается в гипотезу о «жизненном цикле», используемую в маркетинге, – а в том, что историки называют целые народы, которые исповедуют данный принцип. Например, альбигойцы или катары, карамаиты и др., проповедавшие аскетизм, считавшие собственность и накопительство грехом, исповедовавшие культ мученичества и смерти.¹ В целом такая институциональная система транслирует обреченность и пассивность в поведении в различных формах (от попрошайничества до грабежа). Но, что еще интересно, так это структура институтов и их топология.

Анализ различных определений двух фундаментальных явлений бытия: жизни и смерти, показал, что, во-первых, институционально они имеют разную структуру. Причем речь идет не только о том, что для жиз-

¹ Й.Хейзинга (Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нидерл. – М.: Прогресс-Культура, 1995) приводит достаточно интересные сведения и заслуживающие внимания выводы по европейской средневековой истории. Но не менее интересны в этом контексте сведения по индийской, тибетской и индейской истории. Впрочем, по-видимому, и у других народов, можно найти не мало интересного и заслуживающего внимания. Конечно они не получили такое как у европейцев обсуждение и интерпретацию, но как сведения в контексте поставленного нами вопроса, безусловно, заслуживают внимание. Их ценность в основном этнографическая. И поэтому ее следует переводить в экономическую плоскость, каковая попытка сделана нами в «Основы экономической этнографии». Сб. стат. под ред. Б.М.Рахаева. Нальчик: КБГСХА. 2012.

ни и в целом жизнеутверждающих институтов ядро занимают созидательные (творческие) нормы и правила, а периферию – адаптационные (разного вида), тогда как у ее противоположного явления имеет место зеркальная симметрия, т.е. ядро представляет адаптационные, а периферию создают творческие, а в том, что и *сама структура построения (логика) жизнеутверждающих институтов оказывается иной, чем у противоположных*. У первых в качестве посылки – *если* – выступает биосферный принцип, тогда как у вторых, то ли экономический, технический, социальный, идеологический. Поэтому для первого действует принцип: нельзя, например, убивать животных, отлавливать рыбу, вырубать деревья, осушать болота, распахивать степи и т.д. даже если в этом есть экономическая (социальная, идеологическая и проч.) эффективность, больше, чем это может нарушить их воспроизводственный процесс, не связано с питанием, т.к. в противном случае произойдет нарушение пищевой цепочки и разрушение единого биогенного процесса. Нельзя выбрасывать в атмосферу, почву и т.д., вплоть до индивидуального организма, вещества и в таком объеме, который не может быть конверсирован природной средой. В противном случае наступит разрушение пищевой цепочки, и в начале последует видовое упрощение биоценозов, ведущее к исчезновению отдельных видов, а затем наступит упрощение биосферы, с соответствующими последствиями для человека и жизни на планете. (Правда, это вовсе еще не означает планетарной смерти.)¹ Напротив, для второго действуют принципы «экономической, политической, идеологической целесообразности», с их выгодой «здесь и сейчас». За счет наличия этой формулы «целесообразности здесь и сейчас» логика построения нормы (базы института) переворачивается, т.е. фактически нарушается привычный алгоритм функционирования жизнеутверждающего института. Типичная формула такого поведения: «*Après nous le deluge*». Такой нормой руководствовались русская торговая компания Ф. Панова в Анадырском заливе, британские торговые компании в Китае, Индии и др., где шла бойкая колонизация. Зато совершенно иную норму – взаимопомощь – подметит в Восточной Сибири П. Кропоткин² и попытается (отчасти безуспешно) внедрять в социальную жизнь.

¹ Следует, на наш взгляд, особо осторожно обращаться с разного рода современными экологическими гипотезами, которые активно и, на наш взгляд, довольно вольно интерпретируют некоторые эмпирические наблюдения.

² Кропоткин В.А. Анархия: Сборник. – М.: Айрис-пресс, 2002.

Что из всего этого следует? То, что *жизнеутверждающие институты содержат в себе нормы, выражающие биосферный принцип, который управляет посылкой и санкциями, институты же обратного феномена – смерти – содержат нормы, отрицающие биосферный принцип, и между посылкой и санкциями нарушены причинно-следственные связи: вначале задаются санкции, а затем следует посылка.* Во-вторых, институциональные кластеры, лежащие в основе данных явлений, имеют разную пространственную структуру. В одном случае (для смерти) – структура горизонтальная: институциональная система выражает лишь экономическую (идеологическую, социальную и проч.) целесообразность и, значит, по своей сути тупиковая. В другом (для жизни) вертикальная – институциональная система представляет собой выражение трофических связей в биосфере, поэтому имеет характер ветвящегося процесса; поэтому многовариантна, многомерна и, по сути, безгранична. В-третьих, наблюдается разная изомерия. В случае смерти институты находятся один подле другого, поэтому связаны лишь с рядом стоящим, у жизни – каждый институт связан с другим и со всеми остальными в той же мере, в какой частный связан с общим, а общее зависит от частного.

Таким образом, анализ и обобщение различных воззрений и хозяйственных практик показывает, что, во-первых, главенствующие регулятивные институты экономического развития – государство и рынок, не единственны. Наряду с ними сферу регулирования формируют различного вида человеческие экспектации, чей характер отличается от характера рынка и государства. Во-вторых, за спиной государства и рынка находятся институты с более фундаментальными механизмами – представления и восприятия жизни и смерти. Анализ экономической истории и хозяйственной практики показывает, что *в зависимости от того каково господствующее в обществе представление о жизни и смерти, такой будет и сама экономическая жизнь, вплоть до ее нюансов.* Но (в-третьих), регулятивная функция государства проявляется в размерах налогов, пошлин, бюджетных расходах и т.п., рынка – в поведении цен, состоянии конкуренции и великом принципе «спрос-предложение», представления и восприятие жизни/смерти представляет биосферный принцип: все свои действия человек должен соизмерять с воспроизводством биосферы,¹ который закладывается в основу хозяйственной деятельности. Он, как и ры-

¹ Форм и видов выражения данного принципа много. Например, одной из форм является брудландовское (WCED) определение устойчивого развития (sustainable development), другой императив поведения: нельзя извлекать (в любом виде) из природной среды ресурсов больше, чем это может нарушить их воспроизводство.

ночный принцип – «спрос – предложение», государственный: бюрократическая иерархия выступает основой регулятивной деятельности представления жизни/смерти в экономике. Правда, в силу того, что связан с базовыми явлениями бытия, он носит более фундаментальный характер по сравнению с тем же рыночным принципом «спрос – предложение» или же с государственным – бюрократией. В силу же наличия бинарного отношения формируются как бы две модели хозяйствования. В жизнеутверждающей модели государство, рынок, гражданское общество, бизнес-сообщества, семья, индивид действуют на основании биосферного принципа, который становится императивом поведения. Если же в обществе доминирует иная модель, то государство, рынок, гражданское общество, бизнес-сообщества и прочие институты проявляют себя принципиально иначе. (И уже приведенное выше выражение Людовика XV (или его фаворитки) является императивом поведения, несмотря на то, что в обществе может быть также и иное мнение одиночек.) В-четвертых, когда говорят: «управляет рынок», «управляет государство», «управляют эмоции, ожидания, желания» и проч., то на самом деле нашими эмоциями, желаниями, ожиданиями, а следовательно, рынком, государством сознательно или несознательно управляют лишь два явления: представление и восприятие базисных феноменов бытия: жизни и смерти. В зависимости от того, каковы представления и восприятия этих феноменов, определяется наша хозяйственная жизнь. Именно эти два явления, создавая разного рода императивы (и архетипы), определяют алгоритм нашего поведения и управляют экономикой.
